

ПРЕДМЕТ (ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ) И НОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ¹

© 2020 г. В. И. Червонюк

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2019 г.

Аннотация. К оценке понятия предмета конституционного права, пожалуй, наиболее часто обращаются юристы, государствоведы, политологи. Достаточно сказать, что наводнившие книжный рынок издания учебных курсов по конституционному праву, теории права неизменно затрагивают данную проблему. Тем не менее не так много можно найти самобытных взглядов, отражающих действительно положение вещей в сфере действия конституционного права. Основная часть учебников, учебных пособий старательно, с прилежанием их многочисленных авторов повторяет уже ставшую азбучной и явно устаревшую аргументацию относительно сфер приложения конституционного права. Между тем, если верно то, что теория призвана обслуживать практику, то следует констатировать безусловный интерес развивающейся конституционной практики к новой роли конституционного права в национальной правовой системе. Очевиден и общественный запрос относительно конституционно-правовой проблематики, что в особенности значимо в контексте сохраняющих свою остроту проблем в сфере реализации основных прав и свобод, а равно возрастающих общественных ожиданий в вопросе усиления роли государства как в их обеспечении, так и в рационализации собственной организации и деятельности для достижения иных конституционно значимых целей. Реально возросшему интересу к конституционному праву не соответствуют предписываемый ему ресурс (регулятивный потенциал) и утвердившаяся в профессиональном правосознании и в правовой ментальности не только властных институтов, но и представителей конституционной доктрины явно заниженная оценка конституционно-правового инструментария и его регулятивных возможностей.

С позиции традиционных взглядов на конституционное право истинная роль и уникальные возможности конституционно-правовых регуляторов слабо просматриваются. Теория конституционного права, общетеоретическая наука оказались в долгу перед собственно юридической практикой. В среде конституционалистов, несомненно, зреет понимание необходимости утверждения принципиально иного подхода к оценке конституционного права, более всего отвечающего его действительной роли в структуре права и в реальной конституционно-правовой жизни; находит все больше сторонников идея амбивалентности предмета конституционного права, которая подкрепляется новыми аргументами о подверженности конституционного права действию факторов глобального развития и диверсификации, о его интернационализации, феномене судебного активизма и расширяющейся роли наднациональных и национальных судов в истолковании конституционных текстов, о расширении предмета конституционного права под влиянием т.н. политического конституционализма, имеющее место в странах, принадлежащих к семье общего права и др. В этой же связи следует оценивать осмысление в российском конституционном дискурсе концепта «живой» конституции.

В статье представлено концептуальное обоснование нового видения конституционного права. Основу предлагаемой конструкции конституционного права представляют несколько взаимосвязанных идей: (1) конституционное право и конституционализм генетически связаны друг с другом: конституционализм вызывает к жизни конституционное право, которое следует за ним и подчиняется законам его развития, вместе с тем объективно нуждаясь в нем; (2) права человека

¹ В № 7 журнала «Государство и право» за 2019 г. опубликована статья проф. Б.С. Эбзеева «Предмет конституционного права: первичность содержания и тенденции развития». Предлагаемая публикация продиктована стремлением, что называется, *post festum*, высказать свои, может быть, несколько отличные от других, суждения по теме, по которой длительное время не угасает полемика. По-видимому, конституционалистам давно пора выйти из тени. Общественные ожидания от профессионального обсуждения безусловно остросоциальной проблемы очевидны: необходимо обоснование того значимого места в структурной организации права (а равно в механизме действия права), которое должно занять современное конституционное право.

выступают сущностным компонентом конституционного права: они оказывают влияние на предметные области права, его нормативный состав, определяют в конечном счете его (конституционного права) место в структурной организации права, представляя крупную нормативную общность, права и свободы определяют характер и объем властеотношений, пределы и формы их распространения в конституционном пространстве; (3) главное и определяющее в предмете конституционного права связано с тем, что оно отражает конституционную действительность, в которой права и свободы и обеспечивающая их публичная власть имеют системообразующее и конституирующее значение для всего нормативного состава конституционного права — образующих его общих нормативных установлений, норм, институтов (субинститутов) и подотраслей; (4) для конституционного права обнаруживается область его действия, которая не совпадает с традиционным подходом к пониманию предмета отрасли права, наблюдается разнородность (гетерогенность) сфер регулирования, что в общем-то не типично для классического понимания предмета отрасли права. Однородность (гомогенность) предмета конституционного права, как это характерно для всех отраслей права, в данном случае *заменяется* множеством разнородных групп связей и отношений, на которые оказывают регулирующее воздействие конституционные установления. Соответственно предмет конституционного права как бы расслаивается: одной своей частью он предполагает сферу отношений, связей, интересов, не характерных для какой-либо иной отрасли права — это область властеотношений (его отраслевая особенность), вторая же составляющая конституционного права пересекается с теми предметными областями регулирования, которые специфичны для других отраслевых (и не отраслевых) подразделений права. В этом случае предметом конституционного права охватываются сферы (области отношений), составляющие предмет регулирования отдельно взятых отраслей права. Отсюда — в каждом акте правового регулирования, или в каждом предмете той или иной отрасли права, присутствует определенная доля конституционно-правового регулирования. В подобных случаях акт применения права всегда имеет комплексный характер в том смысле, что применение отраслевой нормы имплицитно предполагает применение соответствующего правовой ситуации конституционного установления. Тем самым предметные сферы конституционного права пересекаются с предметными областями всех отраслей права; (5) разнородность сфер регулирования предполагает полиструктурность (гетерогенность) нормативного состава конституционного права: двум уровням предметных областей конституционного права соответствуют уровни конституционно-правового воздействия. Соответственно в нормативной структуре конституционного права выделяются два крупных подразделения конституционно-правовых регуляторов: исходные (общеправовые, или общерегулятивные) конституционные установления и конкретно-правовые регуляторы, или конституционные нормы. Исходные установления (принципы, конституционные цели, ценности, конституционно-правовые стандарты, конституционные традиции, конституционные понятия, конституционно-правовые конструкции и др.) в своем единстве образуют первичный уровень конституционного регулирования. Класс исходных конституционно-правовых установлений имеет главным образом концептуальный или мировоззренческий смысл для отраслевой правовой материи, в то время как конституционные нормы подчинены общим задачам отраслевого регулирования.

Ключевые слова: конституционализм, конституционное развитие, конституционное право, методологические подходы к пониманию предмета конституционного права, монистическая теория, плюралистическая теория, властеотношения, двойственность объекта конституционного права, амбивалентность предмета конституционного права, конституционализация, права человека, генеральные объекты конституционно-правового воздействия, разнородность (гетерогенность) сфер конституционно-правового воздействия, пределы конституционно-правового регулирования, полиструктурность нормативного состава конституционного права, типы (классы) конституционных установлений, исходные конституционные установления и конкретно-регулирующие — нормы конституционного права, уровень надотраслевого нормативного-правового регулирования, соотношение общего и конкретно-регулятивного в конституционном праве, адаптированность конституционно-правовых регуляторов, комплексное применение права.

Цитирование: Червонюк В.И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50—68.

DOI: 10.31857/S013207690008401-3

THE OBJECT AND NORMATIVE STRUCTURE OF THE CONSTITUTIONAL LAW IN THE MODERN LEGAL DISCOURSE

© 2020 V. I. Chervonyuk

Kikot Moscow University of the MIA of Russia

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Received 21.10.2019

Abstract. Lawyers and political scientists treat constantly to assess concepts of the object of the Constitutional Law. It can be said that a lot of textbooks address this problem. However, it's available to find an original view that reflects the situation in the domain of the Constitutional Law in different spheres of the application. Meanwhile, the theory aims to provide the practical implementation. It's necessary to note a fact about increasing interests in a new role of the Constitutional Law in the national and legal system. It is clear that public enquires regarding constitutional perspectives. It is really significant because the preservation of the person's right and freedom is a very important part of the modern life.

Since traditional views of the Constitutional Law show us true role and unique opportunities of the constitutional and legal regulators that aren't valid. The theory of the Constitutional Law and all this science have debt to the jurisprudence. Many constitutionalists think that should change approach to assessment of the constitutional rights. It is important to find the most appropriate way that disclose the true framework of the right and the idea about democracy. The point about the ambiguity of the object of the constitutional rights is really popular among modern scientists and find more supporters. This idea is supported by different facts about corruptibility of activity by factors of the global development and the internalization is really low assessment of the constitution and right toolkit. It is important to note that the object of the Constitutional Law strives as a result of political constitutionalism that distributed in different countries that relate to the family of usual rights. The attempt of the conceptual support is presented in this article.

The base of this construction has some interrelated conceptual ideas: (1) the Constitutional Law and constitutionalism are connected to each other. The constitutionalism can't exist without the law; (2) the person's rights are the most important part of the Constitutional Law. They have impact on all areas of the law. They also determine his place in the constitutional organization of the law. It is really necessary to define the way and amount of the power; (3) the first thing of the object the Constitutional Law is the activity that regulate rights and the people's freedom with the help of laws. All this objects are in a single system. Public power is a very important part of this association; (4) it is important to say that the action area does not coincide with traditional approach of the understanding the object of the branch of the law. Many different groups replace the homogeneity of an object of the Constitutional Law: links and relations. They provide influence and give the constitution establishment. This object "basilar wall is dissecting": the first part is the sphere of the communication, interests and the second part is different sphere of relationship - the power. In case, constitution rights include all areas of the people's life. There is a juridical regulation in every legislation. As all people know, laws always have integrative nature. In this situation, using the regular law means using a similar legal situation of the constitution establishment. The substantive spheres of the constitution law intersect with substantive areas from all sides of rights; (5) the diversity of regulative spheres means many structures of a law. It is important to understand that two levels correspond to levels of a constitution impact. Many scientists allocate two important units of the regulation. The first is original constitution determinations (principles, purposes, traditions and value). These objects make up the primary level of the Constitutional Law. The class of the original norms has an outlook meaning for legal industry. The second unit is the specific legal provisions and known standards.

Key words: constitutionalism, constitutional development, Constitutional Law, methodological approach for understanding the law, the monist theory, the pluralistic theory, the power, ambivalence of the Constitutional Law, people's rights, types of the constitutions establishments, general objects of the constitution law, limits of regulation, the get erogenous influence of the Constitutional Law, multiplicity of the constitutional structure, the level of the branch management, the complex of using rights, the balance between the usual and regulative things in the Constitutional Law.

For citation: Chervonyuk, V.I. (2020). The object and normative structure of the Constitutional Law in the modern legal discourse // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 50–68.

Конституционализм как методологическая основа (среда) возникновения конституционного права

Длительное время конституционное право не оказывало заметного влияния на структурные преобразования права, в целом на его развитие. Можно сказать, что лишь со второй половины XX в. (и в особенности в XXI в.) возрождается действительный интерес к конституционному праву с точки зрения его системного воздействия на все сегменты права и правовой жизни страны. Этим обстоятельством в том числе обусловлен усилившийся интерес, и притом далеко не только в профессиональной среде, к осмыслению особенностей регулятивного и охранительного действия конституционного права.

Генезис и природа конституционного права объективно предопределены свойствами права как общесоциальной системы нормативного регулирования и собственно конституционной историей как отдельно взятой страны, так и общества стран. В структуре национального права конституционное право — относительно молодая ветвь, исторически его возникновение обусловлено фундаментальными изменениями, происшедшими в природе государственного и общественного устройства, становлением вследствие этого принципиально нового типа государственности, воплотившего в себе идеалы конституционализма. Конституционализм — объемное, многосоставное по своему содержанию явление общественной жизни. Само его появление, утверждение в связи с этим принципиально новых практик во всех сферах жизни — экономике, политике, духовной жизни, в последующем и в социальной области — также причинно обусловлено. Если обратиться к обнаружению главного фактора, или основной детерминанты этим коренным преобразованиям в обществе и всей государственной организации, то первопричиной прежде всего следует назвать потребность социума в расширении пространства политической и экономической свободы. Именно это обстоятельство вызвало к жизни необходимость учреждения особой организации публичной власти, которая принципиально отличалась от предшествующей ей абсолютистской власти, по существу, являлась ее отрицанием. Потребность в гарантировании политических и экономических свобод предопределила упразднение прежних абсолютистских режимов и учреждение новой организации властвования, соответствующей законам ее развития.

Подчиняясь логике конституционного развития, возникшее конституционное право в то же время оказывает мощное влияние на утверждение конституционных начал в реальной жизни, придавая им устойчивый и необратимый характер.

Конституционное право и конституционализм, таким образом, генетически связаны друг с другом: конституционный строй появляется при определенных условиях развития общества и государства; необходимость утверждения в общественной практике принципов конституционализма, законодательное признание на высшем уровне институциональных «сдержек» и «противовесов» в системе власти вызывают к жизни, буквально порождают, конституционное право, которое «следует» за конституционализмом и подчиняется законам его развития². В указанном смысле конституционное право — это «продукт» развития государственности, ставшей на путь утверждения идеи и практики конституционализма» (И.А. Умнова).

Сформировавшееся в структуре национальной правовой системы конституционное право прежде всего позиционирует принципиально новый тип государственности, конструктивные элементы которой были обозначены ранее разве что в научных трактатах (Дж. Локк, Дж.-Ст. Милль, Ш.Л. Монтескье, С. Пуфендорф, Ж.-Ж. Руссо, Т. Пейн и др.): разделение государственной власти, признание и гарантирование прав и свобод (или связанность публичной власти правом), провозглашение народа единственным источником, верховным сувереном, или «собственником» власти. Конституционное право поэтому идентифицируют с особым правовым механизмом становления и развития конституционного строя, утверждения и господства демократических конституционных порядков. Эта функция и титульная особенность конституционного права сохраняется за ним и в новейшее время. Отсюда конституционное право — это не просто

² Утверждать так, что конституционное право существовало всегда, поскольку существовало государство и право, — значит, становиться на почву отрицания логики, или объективных законов конституционного развития. В понимании сторонников такого подхода «право, упорядочивающее власть, вводящее ее в юридически приемлемые рамки и формы, и есть генетически конституционное право». Отсюда конституционное право существует всегда, даже притом, что «предмет и понятия о нем эволюционируют». Соответственно, «в императорской России обоснования предмета конституционного права строились вокруг идеи о необходимой юрисдикции отношений государственного (публичного) властвования. <...> В советский период предмет конституционного права трактуется в эвристическом ключе» (см.: Конституционное право России: учеб. для бакалавров / отв. ред. И.В. Выдрин. М., 2015. С. 19). Очевидно, что по такой же предложенной схеме можно анализировать феномен конституционализма, прав человека и т.д., что, конечно же, противоречило бы даже здравому смыслу.

По той же причине нельзя согласиться с тем, что конституционное право возникло как результат эволюции государственного права, а «возникновение отрасли государственного права было обусловлено появлением государства и права как таковых» (см.: Конституционное право: учеб. пособие / Павликов С.Г., Умнова И.А. М., 2015. С. 7). Отмеченное не исключает того неопровержимого факта, что генезис государствоведческих идей вполне оправданно относят к древним и античным векам.

еще одна из обособившихся в структуре права его составляющих, но и явление политическое; избавиться от этой зависимости оно вряд ли в состоянии, не рискуя утратить присущую ему функцию специально-юридического регулятора политических процессов. Вместе с тем, будучи вовлеченным в сферу властвования (политику), конституционное право, тем не менее, сохраняет определенную дистанцию от политического влияния (может быть, даже в большей мере, чем это свойственно отраслевым и иным подразделениям публичного права). Эта имплицитно присущая конституционному праву способность к относительной самостоятельности и автономии предопределена природой «правовых вещей» и, что в особенности значимо, нахождением в его составе такого универсального (не только на национальном уровне) регулятора, как права и свободы. Именно этим — методологического порядка — обстоятельством (а не «встроенностью» в область политики) в решающей мере предопределены титульные характеристики конституционного права, включая его «генетическую» предрасположенность к транзиту в публично-правовое пространство рациональных и демократических механизмов властвования, или закрепления и поддержания «легитимированного народом социального порядка» (Б.С. Эбзеев), а в новейших условиях — укоренение в социальном пространстве фундаментальных и общих ценностей.

Возникшее и развивающееся в результате утверждения в реальной жизни идей конституционализма конституционное право в буквальном смысле связано этой зависимостью. Можно сказать, что там, где конституционализм, — там конституционное право и, наоборот. Из существующей закономерной связи между конституционализмом и конституционным правом проистекает ряд фундаментальных следствий (постулатов), которые существенным (сущностным) образом влияют на оценку природы конституционного права, осуществляемые им функции в конституционной системе страны и его место в структуре национально-го права: (1) функционирование конституционного права возможно лишь в той среде, где господствуют конституционные порядки, сложившиеся (и складывающиеся) на основе присущих конституционализму начал; (2) ценности конституционного строя трансформируются в конституционные ценности и конституционно определенные цели. Конституционный образ государства (публичной власти) и общества воплощается в нормативном образе конституционного права, представляя таким образом действительную конституционно-правовую картину страны; (3) конституционное право развивается и изменяется под воздействием эволюционирующего конституционализма; его предметные области и нормативное содержание, пределы

конституционно-правового воздействия объективно заданы (предопределены) действием данного фактора.

Вместе с тем, учитывая отмеченное обстоятельство методологического свойства, необходимо в то же время принимать во внимание и собственно действие закономерностей права. В этой связи объективно присущая праву (даже в большей мере, чем государству) относительная самостоятельность указывает на потенциально значимую возможность конституционного права даже в случае отклонения политической практики от конституционно заданного вектора движения оказывать позитивно-регулятивное воздействие на конституционное развитие страны, обеспечивать охрану и защиту фундаментальных конституционных ценностей, выступать их хранителем и ретранслятором в конституционное правосознание и конституционную практику.

Можно предположить, что выполнение конституционным правом этого особого предназначения — выступать инструментом (правовым механизмом) прогрессивного конституционно-правового развития — объективно возможно в силу присущего ему уникального набора правовых регуляторов, не свойственного иным сегментам национального права. Однако такое предположение (гипотеза) требует доказательства принадлежности конституционному праву особого предмета (предметных сфер действия) и специфической для него нормативной структуры.

Предмет (предметные области) конституционного права (господствующее мнение)

Даже если исходить из того, что структура современного права имеет многоуровневый и сложносоставный характер (не придерживаясь в данном вопросе ортодоксально-позитивистских взглядов)³, то все равно и в этом случае придется согласиться с правомочностью выделения в ней (правовой структуре) отрасли права⁴.

³ См.: Червонюк В.И. Категория структуры права в общей юриспруденции: аргументация инновационного подхода // Юрид. техника. Ежегодник. 2013. № 7. Ч. 1. С. 354–367.

⁴ В этой связи суждения проф. Б.А. Страшуна, одного из классиков отечественного государствоведения, относительно того, что «следовало бы отказаться вообще от категории “отрасль права”» (см.: Страшун Б.А. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал рос. права. 2008. № 10. С. 23) представляются преждевременными и не согласуются с современными оценками усложняющейся структуры права, ее многоуровневым и сложносоставным характером. Хотя, конечно, конституционное право неправильно считать, как это следует из господствующего мнения экспертного сообщества, еще одной, однопорядковой иным, отраслью права. Его месторасположение в национальной структуре права особенно: оно занимает высший ряд в структурной организации права, опрокидывая тем самым представление о так называемой плоской

В понимании общей юриспруденции отрасли права дифференцируются в зависимости от предмета и метода правового регулирования. Это не единственные критерии, но, можно сказать, первичные, по ним происходит идентификация той или иной отрасли права в структуре национально-го права. По данной версии конституционное право также характеризуется особым предметом и методом регулирования⁵.

При этом считается, что доминантное значение в структуре предмета конституционного права имеют политические отношения⁶. Истоки такого понимания обнаруживаются уже в дореволюционном государствоведении. Поскольку «с юридической точки зрения государство представляется юридическим отношением самостоятельно-го принудительного властвования... то сообразно с этим, — утверждал Н.М. Коркунов, — наука государственного права может быть определена как учение о юридическом отношении властвования»⁷. Этой позиции придерживались и другие, не менее известные государствоведы того времени. Подобный подход имел широкое распространение в науке государственного права советского и постсоветского периодов; как показывает анализ проблемы, устойчивый интерес к нему сохраняется

и в новейшее время, притом что в его обоснование предлагаются новые аргументы⁸.

С позиции данного подхода (кстати, имеющего широкое распространение среди современных конституционалистов многих зарубежных стран)⁹, именуемого *монистическим*, главное в содержании конституционного права — это организация государства (государственной власти) и обусловленные этим отношения властвования, или властеотношения¹⁰.

⁸ В частности, при всей новизне и «свежести» взглядов Б.С. Эбзеева в данном вопросе постулируемое им понимание конституционного права как «нормативной системы, закрепляющей базовые начала рациональной организации социального порядка... в целях свободы и справедливости», как «легитимированный волей народа социальный порядок», притом что именно государство признается «носителем социального порядка», думается, также не свободно от теоретической конструкции властеотношений (см.: *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учеб. М., 2019. С. 41, 38). Не опровергают полностью такое предположение и указанные в определении цели социального порядка. Если иметь в виду, что и М. Ориу определяет публичное (не конституционное) право как «право, которое... упорядочивает власть публичных отношений в целях «свободы и справедливости» (см.: *Ориу М.* Основы публичного права. М., 2013. С. 21), то приведенное утверждение не будет выглядеть сильным допущением.

При этом, ключевой вывод автора относительно квалификации социальных порядков как «легитимированных волей народа», представляется, требует разъяснений. Логичен в этой связи вопрос о том, можно ли считать всякий закон, принимаемый органом законодательной власти (парламентом), актом, в котором «легитимирована воля народа»; или может ли «легитимированная воля быть свободной от конституционно признанных (легитимированных Основным Законом страны», а значит, и народом) основных прав и свобод? Практика Конституционного Суда РФ нередко указывает на несовместимость «воли законодателя» и притязаний носителей основных прав и свобод. Отмеченное характерно не только для российских реалий. О. Хассельбакльк констатирует растущее недовольство среди судей стран северной правовой семьи качеством принимаемых парламентами актов, которые иногда затрудняют справедливо разрешить дело в суде (см.: *Хассельбакльк О.* Северная правовая семья: рождение, становление, развитие (на англ. яз.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75). С. 7–10). Вопрос о соотносимости «воли народа» и прав человека, безусловно, являющийся одним из «основных вопросов» современного конституционного права, в этом случае остается открытым (см. в этой связи: *Червонюк В.И.* Суверенитет народа в эпоху постмодернизма: критическое осмысление доктрины и практики эволюционирующего конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 3–7).

⁹ См. об этом: *Червонюк В.И., Калинин И.В., Мелехова А.Ю.* Конституционное право зарубежных стран: учеб.: в 2 т. Т. 1. Сравнительное конституционное право. М., 2018. С. 57–75.

¹⁰ Отсюда для сторонников данного подхода логичен вывод о том, что «конституционное право, — область современного права, лежащая в сфере, прежде всего, публичных интересов, так как его нормы регулируют отношения, складывающиеся по поводу общезначимых ценностей, непосредственно связанных с публичной властью в обществе» (см.: *Ескина Л.Б.* Конституционное право России: учеб. для бакалавров. СПб., 2017. С. 16, 17).

структуре права (см.: *Червонюк В.И.* Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 3. Структурные уровни, ряды права, правовые общности // Вестник МУ МВД России. 2014. № 3. С. 11–16).

Отмеченный вывод несколько не умаляет действительной правовой ценности отраслевого деления права. В этой связи утверждение вроде того, что «концепт конституционализации побуждает отказаться от научных спекуляций на тему отраслевого строения системы права как чрезвычайно мало содействующих разрешению актуальных юридико-практических проблем и коллизий» (см.: *Крусс В.И.* Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М., 2019) является не более чем допущением. Вообще, связь процессов конституционализации и реструктуризации права далеко не столь однозначная, как это, видимо, представляется автору.

⁵ Если быть более точным, то отраслевые особенности конституционного права предопределены комплексом специально-юридических характеристик: а) предметом (предметными областями) и методом (методами) правового регулирования; б) особенной нормативной структурой; в) особенными видами правоотношений, прежде всего распространенностью так называемых общерегулятивных правоотношений; д) наличием особенного охранительно-принудительного инструментария: специфических санкций, особого вида юридической ответственности — конституционной ответственности; е) особенным понятийным аппаратом, или конституционной лексикой.

⁶ Обстоятельный анализ такого подхода представлен в работе: *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 23, 24, 33.

⁷ *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1906. С. 47.

Очевидно, что аргументы сторонников данного подхода имеют реальные основания и действительно оттеняют существенные характеристики конституционного права. Ведь в отличие от других отраслей права, одним из главных предназначений конституционного (государственного) права является то, что оно призвано выступать юридической основой формирования и осуществления государственной власти. Конституция, конституционное законодательство исторически потому и возникают, что появляется общесоциальная потребность (социальный запрос) «связать» государственную власть правом, законом, ввести ее в границы правопорядка, придать цивилизованный (правовой) характер.

Государство или, точнее, персонифицирующая его государственная власть, в рассматриваемом контексте и есть главное в предмете и назначении конституционного права. Очевидно, что устойчивую связь конституционного права и политических отношений нельзя отрицать; точно так же нельзя в предмете конституционного права все сводить к властеотношениям.

Можно сказать, что отмеченный взгляд на предмет конституционного права «исторически» обусловлен, он соответствует раннему западноевропейскому пониманию конституционализма: учреждаемые юридические или признаваемые фактические конституции предназначались главным образом для того, чтобы узаконить вследствие упразднения абсолютистских режимов принципиально иные порядки. Собственно, наука конституционного права — это главное преобразование в механизме нарождающейся новой государственности и отразила в его предмете.

Между тем, указывая на властеотношения как на главный объект конституционного права, следует все же заметить, что государство и государственная власть существуют издревле, их функционирование всегда сопряжено с возникновением властных отношений. Конституционное же право, как на это уже обращалось внимание, — молодая ветвь права, оно возникает лишь в определенных исторических условиях, когда принципиально изменяется природа механизма властвования и опосредующих его функционирование властеотношений. Иными словами, конституционное право возникает и действует в особой конституционной среде, вне которой о конституционном праве можно вести речь лишь в каком-то специальном значении.

Безусловно, что монистическая теория предмета конституционного права в наибольшей мере отвечает периоду конституций первого поколения, хотя и в новейших условиях она остается достаточно популярной (и, может быть, даже господствующей). При этом обнаруживается (а с течением времени достаточно остро дает о себе знать) несоответствие

такого подхода потребностям развивающегося конституционализма: последующие генерации конституций, в особенности третьего поколения, отражая новые реалии, — возрастающее в глобализирующемся мире значение государства в поддержании устойчивого развития, создании благоприятных правовых режимов и условий функционирования национальных экономик, существенно усилившуюся роль в социальной сфере, гарантировании прав и свобод, не отрицая при этом первоначального и остающегося главным его (государства) назначения, — существенно расширяют «дерево» конституционно значимых целей. Отмеченные изменения, включая трансформировавшие механизмы властвования, существенно расширившиеся пределы конституционно-правового воздействия, изменившие его содержание (предметные сферы), вместе с тем качественно преобразовали (модифицировали) нормативный состав регуляторов. Между тем государствоведческая наука (господствующие в ней воззрения) в разработке методологии оценки основного вопроса конституционного права — его предмета и метода (нормативного состава) — в принципиально изменившихся условиях оставалась на прежних позициях. Можно предположить, что действие монизма, включая традиционно присущую отраслевую привязанность юристов к оценке предмета и средств нормативного регулирования, сохраняющуюся предрасположенность к традициям прежних научных школ (в т.ч. сформировавшихся в доктрине советского государственного права) в новейшее время оказывает магнетическое влияние на конституционалистов, которые по-прежнему остаются в плену этой методологии конституционно-правового анализа¹¹.

Тем не менее заметно все же стремление государствоведов «осовременить» понимание предмета конституционного права. Соответственно в теории конституционного права получил распространение несколько иной, более широкий, взгляд на проблему предмета конституционного права, который, если принимать во внимание его методологические основания, может быть обозначен

¹¹ В то же время недооценка роли властеотношений в структуре объектов конституционно-правового воздействия так же нежелательна, как и их абсолютизация. В этой связи по меньшей мере спорным представляется утверждение Н.С. Бондаря о том, что «объектные характеристики конституционного регулирования в современных условиях необходимо искать не в сфере организации и осуществления государственной власти, а на путях поиска баланса в соотношении, взаимовлиянии таких основополагающих ценностей нашей цивилизации, как власть, свобода, собственность» (см.: *Бондарь Н.С.* Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 24–36). При таком подходе действительно можно согласиться с автором в том, что проблема предмета конституционного права становится «вечной» (читай: неразрешимой).

как *плюралистический*. Суть такого понимания сводится к признанию двойственности (дуализма) объекта конституционно-правового воздействия. Соответственно и предмет конституционного права связывают с тем обстоятельством, что в одних сферах жизни общества конституционное право непосредственно в полном объеме регулирует «общественные отношения», а в других — лишь основополагающие, т.е. такие, которые определяют содержание остальных отношений в этих сферах. Концептуально отмеченный подход к пониманию предмета конституционного права получил обоснование в работах акад. О.Е. Кутафина¹² и его последователей¹³.

Вместе с тем идея амбивалентности предмета конституционного права, хотя, надо признать, и обратила на себя внимание, однако широко распространения не получила. В то же время, учитывая аргументацию относительно того, что данный подход «ведет к расплывчатому пониманию предмета конституционного права, нарушает его единство, определенную ограниченность от других отраслей права» (проф. В.В. Маклаков), не позволяет отразить единство и целостность общества (проф. Б.С. Эбзеев), следует особо подчеркнуть правомерность постановки вопроса о многоаспектном характере конституционно-правового воздействия или, что равнозначно этому, о сложносоставном характере предмета конституционного права. Как представляется, отмеченная особенность конституционного права, являясь отражением действия более общих для всех стран факторов, все более будет себя проявлять, приобретая характер устойчивой закономерности.

Действительно, как это можно наблюдать, в последние годы все интенсивнее заявляет о себе процесс конституционализации — общемировой тренд в структуре правовой регуляции. Если учесть то обстоятельство, что основу конституционализации составляет всевозрастающий общественный запрос относительно обеспечения прав и свобод и связанная с этим необходимость усиления требований к конституционности поведения властных структур,

то предположение о том, что конституционализация имеет под собой общесоциальное основание, приобретает реальное звучание. Очевидно, что в силу данного обстоятельства принципиально изменяются акценты относительно тенденций и характера расширения зон влияния конституционного права. Если ранее господствовало мнение о том, что возникновение новых отношений, требующих конституционно-правового опосредования, возможно исключительно «по воле государства» (О.Е. Кутафин), то в современных условиях такой вывод приобрел характер вероятностного; радикальное преобразование традиционного объекта конституционно-правового воздействия происходит в силу действия иных факторов, помимо, а иногда и вопреки «воле государства»¹⁴.

Соответственно идея «расщепления» предмета конституционного права на два структурно различающихся уровня хотя и не получает специального развернутого анализа, тем не менее подкрепляется новой аргументацией, которая все же отличается новизной в сравнении с известной в отечественной государствоведческой литературе полемикой об амбивалентности предмета конституционного права. В частности, проводимые исследования конституируют подверженность предмета конституционного права действию факторов глобального развития (не глобализации)¹⁵ и диверсификации предмета конституционного права, представлены интересные доводы относительно его (предмета конституционного права) интернационализации¹⁶, а в этой связи обращено внимание на корреляции расширения предмета конституционно-правового регулирования и прямого действия общепризнанных принципов и норм международного права, ратификации международных договоров; проблема расширения предмета конституционного права рассматривается в контексте феномена судебного активизма и расширяющейся роли наднациональных (и национальных) судов в истолковании конституционных текстов, а равно в формировании практики, направленной на универсализацию судебной защиты прав и свобод, иных публично значимых интересов¹⁷, вследствие чего в сферу

¹² См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 23–25.

Справедливости ради надо сказать, что уже в советском государствоведении в контексте обозначенных так называемых «узкого» и «широкого» подходов к оценке предмета конституционного права отмеченная проблема поставлена на обсуждение (В.Ф. Коток). При этом в теории советского государственного права такой взгляд на проблему хорошо уживался с укоренившейся идеологией о всеобъемлющей роли государства в общественной жизни и тем самым соотносился с укоренившейся практикой огосударствления общественной жизни. В существующих же реалиях, конечно же, речь идет о принципиально ином явлении конституционно-правовой жизни.

¹³ См.: Конституционное право: учеб. для бакалавров / под ред. В.И. Фадеева. М., 2016. С. 6 и след.

¹⁴ Лукьянова Е.А. Еще раз о предмете конституционного права с позиции нового тысячелетия // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 13–17.

¹⁵ См.: Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 3. С. 83–94.

¹⁶ См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017.

¹⁷ См.: Умнова-Конюхова И.А. Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 152 и след.

конституционно-правовой охраны вовлекаются экономические отношения и соответствующие им интересы (прежде всего — защита свободы экономической деятельности), семейные, земельные, интересы в сфере природопользования; в контексте российских реалий подвергается осмыслению феномен «живой» конституции¹⁸; обращено внимание на позицию зарубежных исследователей относительно расширения предмета конституционного права под влиянием т.н. политического конституционализма, действие которого распространяется на страны, принадлежащие к семье общего права.

Вместе с тем признание обширных зон правового регулирования предметом конституционного права (его многопредметности) должно быть подкреплено свойственными этой цели средствами нормативной и индивидуальной регуляции. Именно это обстоятельство оказывается слабым звеном плюралистической концепции. Соответственно данное обстоятельство — принципиальной методологической значимости — в спорах о предмете конституционного права как-то выпало из поля зрения. В результате нерешенности вопроса относительно того, какими регуляторами должно располагать конституционное право для обеспечения конституционных порядков в сферах его «нетрадиционного» действия, предложенная версия понимания предмета (плюралистическая теория) далее ее обсуждения в узкой среде государствоведов не получает распространения. При таком состоянии теоретической разработки проблемы действительно большой практической и научной значимости вопрос о предмете конституционного права рискует перерасти в перманентно возобновляющуюся на страницах периодических изданий академическую полемику, притом что ее результаты не будут способствовать приросту научного знания и оказывать сколько-нибудь позитивного влияния на конституционную практику. Для современной теоретической юриспруденции, к сожалению, такие методологические изъяны, можно сказать, становятся едва ли не титульной особенностью.

Права человека в конструкции конституционного права (социогуманитарный подход к оценке предмета конституционного права)

Как представляется, получившая признание в общей юриспруденции социогуманитарная концепция правопонимания может быть использована в качестве методологического принципа оценки предмета и нормативного состава

конституционного права¹⁹. В этой связи, обращая внимание на утвердившиеся подходы к пониманию предмета конституционного права, особо подчеркнем следующее: монистический и плюралистический подходы, несомненно, способствуя уяснению содержательных и самобытных характеристик конституционного права, в то же время не связывают понимание его предмета с истинно социальным (прежде всего принципом справедливости) и гуманистическим (правами человека) предназначением конституционного права. Между тем именно это обстоятельство имеет методологически важное значение и по существу определяет характер предметных сфер конституционного права, пределы его воздействия, а вместе с этим и состав всей нормативной правовой общности.

Если верно то, что само существование права, предметное структурное обособление внутри него объективно предопределены ценностями самого высокого порядка, то применительно к конституционному праву данный вывод в особенности актуален; научный поиск в контексте таких ценностей позволит методологически точно расставить акценты в отношении и предмета, и его нормативной структуры.

Востребованность новизны в понимании конституционного права имеет фундаментальные основания, причинно обусловлена, в т.ч. происходящими в современном праве структурными преобразованиями, которые, к сожалению, остаются пока незамеченными и в общей теории права, и в конституционном праве. По этой причине уместно обратить внимание на обстоятельство, как представляется, принципиальной методологической значимости.

Как это можно считать доказанным доктриной, судебной практикой органов конституционного правосудия (наднационального и национального уровней), не только для конституционного права, но и для всей структурной организации национального права, включая российское право, системообразующее значение имеют права человека²⁰. В этой связи, что в особенности становится очевидным применительно к современным реалиям, соотнесение предмета конституционного права с феноменом прав человека является объективно неизбежным. Как на это уже было обращено внимание, появление конституционного права в решающей мере обязано идее естественных неотчуждаемых прав человека, на протяжении многих

¹⁹ См.: Червонюк В.И. Теория государства и права: учеб. М., 2006. С. 112–118.

¹⁸ См. об этом: Червонюк В.И. Концепт «живой конституции» в российском конституционном дискурсе // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2019. № 2. С. 95–100.

²⁰ См.: Червонюк В.И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 2. Концепция структуры права / Вестник МУ МВД России. 2014. № 2. С. 33–39.

веков пробивавшей себе дорогу²¹; с ее утверждением в конституционном сознании креативного класса — мыслителей Нового времени, а вследствие этого и проникновения в общественную практику, — одновременно происходило разрушение старых господствующих порядков эпохи абсолютизма, рождение нового общественного строя, ранее не известного человечеству. Конституционализм как порождение принципиально иной системы организации социума в новых социокультурных, экономических и политических условиях объективно был связан с утверждением и гарантированием гражданских прав и свобод, формированием вследствие этого организации публичной власти (властвования), функционирование которой отвечало цели установления и поддержания конституционных порядков. Именно права человека становятся сущностным компонентом утверждавшегося конституционализма и возникшего в этой связи конституционного права. Несомненно, потребовалось длительное время, чтобы к правам человека и их носителю сформировалось отношение как к высшей и безусловной ценности. Воплощение этого гуманистического идеала в конституционную реальность для большинства государств стало возможным лишь со второй половины XX в. В новейших условиях права человека оказывают влияние на все сферы и характер деятельности демократического государства; действию данного феномена подвержено развитие национального права и правовых учреждений; под непосредственным влиянием прав человека развивается современное конституционное (и международное) право, применительно к которому права человека определяют содержание его предметных областей, пределы действия, нормативный состав, в конечном счете резервируют место в структурной организации национального права²².

Признание отстаиваемого вывода в современных конституционных реалиях имеет важнейшее мировоззренческое значение, позволяя вместе с этим более точно подойти к решению ряда фундаментальных, имеющих общесоциальное значение и личностную ценность, вопросов: (1) признание действительности конструкции субъективных публичных прав; (2) нахождение меры (баланса) между властью и свободой, властью и собственностью, свободой и безопасностью; (3) соизмерение организации и деятельности государства (всей системы публичной власти) с незыблемыми императивами правовой государственности: пределы

усмотрения государства в сфере законодательства, правоприменения и правоохраны объективно очерчены содержанием основных (естественных и неотчуждаемых) прав и свобод человека или (что равнозначно этому) действительных конституционных ценностей; государство «стеснено» в своих устремлениях подвергнуть государственному регулированию все, что так или иначе входит в сферу его интеракций с обществом, оно действует в границах конституционно определенных целей и исключительно в общем интересе, или в соответствии с признанными основным законом страны конституционно значимыми ценностями; установление и поддержание социальных порядков не является для государства самоцелью и не достигается любой ценой, реализуется в контексте конституционно определенных параметров. Словом, современное государство осуществляет предписанные ему функции в заданной правом (основу которого составляют права человека) «системе координат». В указанном смысле государство признается действительной конституционной ценностью при том условии, что оно реально приобрело характер социального правового и демократического общесоциального института, как того требуют фундаментальные начала конституционного порядка.

Принципиально важен специально-юридический контекст прав и свобод: права и свободы определяют конституционные цели государства и общества, вводят в правовую ткань фундаментальные (общие) правовоположения — принципы, ценности, стандарты, общие понятия и конструкции, в соответствии с которыми осуществляется отраслевое правовое регулирование, определяются законодательная стратегия и правоприменение; через права и свободы формируется органичная связь международного и национального правопорядков и др.

Следовательно, признание приоритетным объектом конституционного регулирования, его системообразующим началом, своего рода конституционной доминантой личность, ее права и свободы отвечает истинному предназначению конституционного права. Иное понимание лишает его качества особой составляющей в структуре национального права. Позитивируя в законодательстве или иным способом признавая права и свободы, государственная власть тем самым очерчивает сферу свободного пространства для граждан и их объединений, легитимируя таким образом всю систему властвования. Легализация признаваемой мировым сообществом совокупности гражданских прав и свобод в национальной конституции и объективирование их в конституционной практике означает, что государственная власть подчиняет себя интересам общества, воспринимает на себя обязательства служить этим интересам; «воля

²¹ Обоснование этой идеи см.: Червонюк В.И. Конституционное право зарубежных стран: курс лекций: в 10 вып. Вып. 1. Введение в конституционное право. Ч. I. М., 2008. С. 58–91.

²² Обоснование идеи структурообразующей роли прав человека в структуре национального права см.: Червонюк В.И. Структура права. М., 2019.

государства», представленная в законе, иных государственных установлениях, и «общая воля» («согласованные интересы») в этом случае оказываются совместимыми. Права и свободы в этом (конституционном) смысле выступают юридическими инструментами (обязывающими установлениями) подчинения власти праву и основам конституционного правопорядка.

Права человека и организация публичной власти как генеральные объекты конституционного права (сочетание гомогенности и гетерогенности в предмете конституционного права)

Отдавая должное усилиям конституционалистов, пытающихся в духе классических постулатов догмы права обосновать предмет конституционного права, намереваясь выделить в нем нечто целостное, единое и неделимое, все же отметим уязвимость такого подхода, который, думается, заведомо обрекает на «хождение по кругу». Между тем, как представляется, решение проблемы может быть найдено в контексте постулируемого гносеологией и онтологией закона «единство в многообразии». Отсюда имплицитно существующая закономерная связь между конституционализмом (конституционным правлением) и конституционным правом, указывает и на особенный набор объектов конституционно-правового воздействия, а вместе с этим и на особенный состав (структурность) его предмета (предметных сфер). В этой связи если исходить из того, что объектом (объектами) конституционно-правового воздействия выступают жизненно важные реалии, с которыми связано достижение (удовлетворение) наиболее значимых конституционных ценностей (базовых интересов), то обобщенно можно выделить два генеральных (главных) объекта конституционно-правового воздействия, детерминирующих формирование предмета (предметных сфер) конституционного права. Это: а) гражданские права и свободы, их реализация и конституционно-правовая охрана и б) организация публичной власти. Уточним: речь идет именно об объектах (не о предмете) конституционного права. Отсюда и сфера действия конституционного права представляет собой правовое пространство, формирующееся в связи с осуществлением гражданских прав и свобод и деятельностью конституционных учреждений публичного властвования, складывающихся на этой основе конституционных порядков в различных областях жизни: в политической области, в экономике, социальной и духовно-культурной сферах. При этом реализация прав и свобод, обусловленных ими гражданских инициатив, распространяется на все участки конституционного пространства, не ограничиваясь интеракциями личности и государства²³.

²³ Очевидно, что эту фундаментальную проблему отношений личности государства — своего рода узловую и опорную

сферу экономики (реализация экономических прав и свобод), социальную область (осуществление социальных прав), экологию (реализация экологических прав) духовно-культурную сферу (реализация прав и свобод в сфере культуры, науки, образования, творчества), а равно и на область властвования в связи с реализацией политических прав и свобод; наличие конституционно-процессуальных прав одновременно означает включенность правопользователей в сферу конституционно-правовой охраны. Таким образом, признание прав и свобод одним из главных объектов конституционного права не ограничивается его воздействием на сферу отношений между личностью и государством, как это следует из позиции, последовательно отстаиваемой проф. М.В. Баглаем²⁴; хотя такие отношения действительно занимают особое место в сфере конституционно-правового воздействия, действие конституционного права ими не ограничивается. С рассматриваемой точки зрения, и государственная, и гражданская жизнь охватываются содержанием предметных областей конституционного права²⁵.

Следовательно, предметом конституционного права охватываются: а) конституционные связи и отношения, порожденные фактом признания прав и свобод человека и гражданина (их признание публичными властями, установление гарантий реализации, определение в соответствии с принципом правовой определенности допустимых пределов реализации и оснований ограничения, механизмов противодействия умалению, отмене, а равно и злоупотреблению); б) конституционные связи и отношения к организации и функционированию системы публичной власти (конституционные основы формирования и функционирования, конституционная компетенция и конституционная ответственность и др.).

конституционную конструкцию — не следует упрощать и сводить ее к ортодоксальной узкоотраслевой интерпретации. Идеологема взаимодействия личности и государства, позиционируемая в контексте науки, «выросшей из шинели» советского государственного права и советского строительства, увы, кроме как неоправданного (схоластического) теоретизирования и предложения «хождения по кругу», не выводя обсуждение проблемы на новый уровень, ни к чему иному не способно привести. Если же отказаться от движения соответственно принципу эквивалентности, то следует прочно становиться на рельсы современной методологии, «духа» и «буквы» Основного Закона в оценке действительной роли феномена прав человека. В этом случае и положения ст. 2 Конституции РФ не будут вызывать прилива романтизма (наблюдаемого не только в его доктринальных оценках, но и в решениях федерального органа конституционного контроля страны), а позволят по-иному и по-новому оценить конституционные связи личности и государства, придать этим связям действительный конституционно-правовой смысл.

²⁴ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. 13-е изд., изм. и доп. М., 2018. С. 17.

²⁵ Критику иного понимания см.: Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 61.

При этом признание властвования (властеотношений) одной из составляющих предмета конституционного права и одним из его генеральных объектов воздействия (в господствующем понимании или единственным, или доминантным) не устраняет методологически значимого вывода о его обусловленности (связанности): в условиях демократии и утверждения в общественной практике базовых принципов конституционализма пределы властвования связаны природой основных прав и свобод, конституционно значимыми целями и ценностями, общими интересами. Отсюда вторая группа отношений является зависимой, производной по отношению к первой, соответствуя конституционным императивам и первооснове конституционного порядка: «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»; «права и свободы человека и гражданина... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 2, 18 Конституции РФ). Данные положения означают, что институт прав и свобод определяет характер и объем властеотношений, пределы и формы их распространения в конституционном пространстве. Такой вывод указывает на то, что и фундаментальная проблема обнаружения и определения меры (баланса) между конкурирующими конституционными ценностями (не ограничиваясь только соотношением власти, собственности и свободы) должна разрешаться в современной конституционной практике в контексте отмеченной выше конституционной максимы. Коррекция иерархии ценностей с иных позиций, в том числе в практике конституционного правосудия, в этой связи, как представляется, недопустима и входит в конфликт с фундаментальными основами конституционного строя.

Принципиально важно и то, что каждая из составляющих конституционного права — организация публичной власти и права человека — отличается от другой по количественным и качественным параметрам, образуя соответствующие им неоднородные группы связей и отношений или, точнее говоря, группы конституционных интересов. Различие этих двух предметных областей конституционного права настолько значимо, что каждая из них имеет относительно автономную, структурно-нормативную общность — «свои» (отличные от другой) юридические средства обеспечения конституционного поведения, механизмы осуществления конституционных обязанностей, юридические формы выражения и пр.

Таким образом, главное и определяющее в предмете конституционного права связано с тем, что оно отражает конституционную действительность,

в которой права и свободы и обеспечивающая их публичная власть имеют системообразующее и конституирующее значение для всего нормативного состава конституционного права — образующих его общих нормативных установлений, норм, институтов (субинститутов) и подотраслей²⁶. Принципиально важно то, что в современных условиях фундаментальные ценности, позиционируемые правами человека, не отвергают конструкцию общих ценностей (общих для всех интересов), защита которых, а равно и обеспечение равновесия с фундаментальными ценностями остается прерогативой конституционного права. В указанном смысле *конституционное право предстает как основывающаяся на фундаментальных и общих ценностях система установлений (правовых регуляторов), соответствующих им конституционных порядков, гарантирующих действенность (реализуемость) прав и свобод, защиту общих интересов и обусловленную этими конституционными целями организацию и характер осуществления публичной власти (властвования).*

Социальные основания конституционного права

Современное конституционное право (как часть действующего права) имеет социогуманитарное основание, соответственно его регулятивное и охранительное воздействие предопределено идеей социальной справедливости — фундаментальным началом современного конституционного строя, предметно выраженным совокупностью взаимосвязанных социальных прав, гарантирующих человеку достойную жизнь, а также конституционно определенными целями (стратегией) государства в социальной сфере. Реализация этих начал утверждает гражданский мир и согласие в обществе, устанавливает партнерские отношения между властью и институтами гражданского общества.

В условиях XXI в. права человека, включая право частной собственности, экономические права и свободы, не конкурируют с идеей социальной справедливости; социальный мир и партнерство придают правам человека современное звучание, соответствующее объективно возросшим потребностям человека к социальному комфорту и социальному благополучию. Этой идее в одинаковой мере должна быть привержена и система публичного властвования, для которой ценности социального порядка выступают стратегическими целями и приоритетами организации и функционирования. Позиционирующие идею социальной справедливости социальные права, выступают одним из

²⁶ См.: Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 8. Гуманитарное право как проявление мультиструктурных преобразований в современных правовых семьях // Вестник МУ МВД России. 2014. № 6. С. 55–62.

тех важных приоритетов, которые в значительной мере определяют смысл и содержание организации и деятельности всех ветвей власти. Такой подход к пониманию социальной основы современного конституционного устройства все больше находит отражение в практике Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, 70% рассматриваемых дел которым относятся к сфере защиты социальных прав граждан²⁷.

Таким образом, реализуемость и действенность социальных прав выступают тем конституционным императивом, который в одинаковой мере важен для государства и правопользователей. Очевидно, что в духе этой, важной для нашей страны социокультурной традиции и должно формироваться конституционное (и отраслевое) законодательство. Ориентация на ценности социального порядка позволит снять остроту сохраняющегося противоречия между принявшим значительный масштаб в современных российских реалиях социальным расслоением общества, максимально снизить порог находящихся за чертой бедности (по официальным данным, составляющих не менее 20 млн), полностью устранить из жизни такое явление, как «работающие бедные» и т.д. Как представляется, именно такое наполнение содержания конструкции российского конституционализма, а значит, конституционного права, утверждения смысла и назначения конституционного регулирования, должно входить в конституционное сознание и конституционную практику.

**Полипредметность сфер регулирующего
воздействия конституционного права
(сочетание гомогенности и гетерогенности
в предмете конституционного права)**

Утверждение о том, что конституционное право отличает сложносоставный характер его предмета, который по своему составу не соответствует сложившимся в теоретической юриспруденции классическим представлениям о предмете отрасли права, может быть воспринято в качестве одной из неопровержимых презумпций при условии ее доказанности.

В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Притом что сфера политики и охраны (реализации, охраны и защиты) прав и свобод неизменно составляют объект конституционно-правового воздействия, обнаруживается некий регулятивный диссонанс: если политика концентрирует внимание на одном объекте — государственной власти, — то другой объект конституционного права — права и свободы — как бы

предрасполагает к диффузии действие его регуляторов — норм, принципов, конституционных целей и ценностей, конституционно-правовых стандартов, традиций и др. Благодаря набору таких правовых регуляторов, не сводимых исключительно к нормам права, конституционное право тем самым оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественной жизни, хотя, конечно, в значительно меньшей степени, чем это характерно для сферы функционирования политики. Следовательно, для конституционного права обнаруживается область его действия, которая не совпадает с традиционным подходом к пониманию предмета отрасли права. Наблюдается, можно сказать, разнородность сфер регулирования, что в общем-то не типично для классических оценок своеобразия предмета отрасли права. Его (предмета конституционного права) однородность, как это характерно для всех отраслей права, в данном случае заменяется множеством разнородных групп связей и отношений, на которые оказывает регулирующее воздействие конституционное право. Получается так, что предмет конституционного права как бы расслаивается: одной своей частью он предполагает сферу отношений, связей, интересов, не характерных для какой-либо иной отрасли права — это область властеотношений (так сказать, отраслевая особенность); вторая же составляющая конституционного права пересекается с теми предметными областями регулирования, которые специфичны для других отраслевых (и не отраслевых) подразделений права²⁸. В последнем случае предметом конституционного права охватываются сферы (области отношений), составляющие предмет регулирования отдельно взятых отраслей права. Вследствие этой особенности конституционно-правового регулирования — конституционно-правовой инверсии — кратно усиливается системный характер действия права, приобретает реальный характер принцип верховенства Конституции (господства права).

Отмеченное означает, что в каждом акте правового регулирования или, что то же самое, в каждом предмете той или иной отрасли права присутствует определенная доля конституционно-правового регулирования. Это также указывает на то, что в подобных случаях акт применения права всегда имеет комплексный характер, в том смысле, что применение отраслевой нормы имплицитно предполагает применение соответствующего правовой ситуации конституционного установления. В указанном смысле «конституционное» одновременно позиционирует правильность, правовой характер

²⁷ См.: Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. М., 2018.

²⁸ В этой связи следует обратить внимание на интересную позицию в данном вопросе авторов уже упоминавшейся работы (см.: Конституционное право России: учеб. для бакалавров / отв. ред. И.В. Выдрин. С. 23).

урегулированных отраслевым законодательством отношений (интересов). Отсюда предметные сферы конституционного права таковы, что они пересекаются с предметными областями всех отраслей права, из чего следует, что конституционное право тем или иным образом присутствует в каждой отрасли права. Тем самым обеспечивается установление и поддержание конституционных порядков в каждой из сфер правового регулирования (или сфер государственного управления). Согласованность отраслевого законодательства с конституционными установлениями указывает на присущее отраслевому законодательству свойство конституционности, отсутствие в нем нормативных положений, применение которых могло бы причинить вред конституционно значимым ценностям: «конституционно-правовое регулирование здесь направлено на организацию названных отраслей, предотвращение или устранение противоречий между ними, обеспечение их соответствия конституционным положениям, временное замещение отраслевого регулирования в необходимых случаях»²⁹. В этом заключена принципиальная особенность конституционного права, которое неправильно квалифицировать в качестве еще одной отрасли права, однопорядковой иным его отраслевым подразделениям³⁰.

Вместе с тем обращает на себя внимание следующая особенность регулятивного воздействия конституционного права. Нетрудно заметить, что безотносительно к регулируемым сферам общественной жизни — властеотношения или иные предметные области — конституционное право обнаруживает устойчиво повторяющую зависимость (сродни специально-юридической закономерности): в содержательно различающихся предметных областях конституционное право опосредует в принципе одно и то же — интеракции государства и граждан, общностей людей по поводу установления и поддержания конституционных порядков, удовлетворение носителями основных

прав и свобод многообразных (не только общих) интересов, их защищенность государством. Таким образом, утверждение конституционно значимых ценностей в сферах действия конституционного права является его общей (генеральной) целью, или основным назначением. Следовательно, несмотря на полипредметность сфер воздействия, отмеченная особенность регулирующего воздействия конституционного права придает ему нормативно-правовую целостность (или нормативно-правовое единство), а вместе с этим и особенный юридический вес (силу, или правовую мощь) в национальной правовой системе³¹.

Нормативная структура конституционного права: новый взгляд на традиционную проблему

Разнопредметность сфер регулирования предрасполагает к полиструктурности нормативного состава конституционного права, своеобразию его метода и способов регулирования³², а равно форм (источников) конституционного права³³. С учетом ранее

³¹ Отмеченное помимо прочего обращает внимание на необходимость переоценки устоявшегося подхода в придании предмету регулирования доминирующего значения в сопоставлении с методом регулирования и производной от него нормативной структурой конституционного права. Вполне возможно, что данный вывод не является специфичным только для конституционного права (во всяком случае проф. С.С. Алексеев категоричен в данном вопросе).

³² Обоснование присущего конституционному праву учредительного метода и имманентных ему способов конституционно-правового воздействия, не совпадающих с универсальными способами правового регулирования, см.: *Червонюк В.И.* Конституционное право России: учеб. пособие. М., 2003. С. 11–13; *Его же.* Конституционное право зарубежных стран: курс лекций: в 10 вып. Вып. 2. Введение в конституционное право. Ч. I. М., 2009. С. 91–102.

³³ Обратить внимание на позицию проф. Н.В. Витрука, развившего по данному вопросу мысль о том, что конституционные установления (положения) как нормативно-правовые средства регулирования поведения субъектов общественных отношений не исчерпываются конституционными принципами и нормами. Нормативно-правовой инструментарий в конституционном праве намного богаче (см.: Конституционное право Российской Федерации: учеб. / под общ. ред. Н.В. Витрука. М., 2010. С. 25).

А.Н. Кокотов к общерегулятивным средствам относит «исходные цели, принципы, ценности» (см.: *Кокотов А.Н.* Указ. соч. С. 31). На полиструктурность конституционного права указывают С.А. Авакьян, И.В. Выдрин, Б.С. Эбзеев; очевидно, что такой же позиции придерживаются Н.А. Боброва, Н.С. Бондарь, И.А. Кравец, В.В. Невинский и др. Аналогичное понимание утвердилось в конституционной доктрине зарубежных стран. По мнению Б. Матье, вице-президента Международной ассоциации конституционного права, профессора факультета права Париж I Пантеон-Сорбонна, «конституция — это принципы, ценности, институты и механизмы, направленные на осуществление власти. Сегодня каждая конституция содержит такой набор в полном объеме» (см.: *Матье Б.* Пересмотр Конституции Люксембурга. Обзор современных проблем конституционного права (на рус. и франц. яз.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4 (77). С. 38).

²⁹ *Кокотов А.Н.* О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 36–43.

³⁰ Стремление защитить устоявшееся понимание конституционного права как «соседствующей» со всеми другими отраслями права части национального права, размещая все эти отрасли на одном «этаже» правового здания (национальной структуры права), а равно отстаивая тезис о том, что «предметное разграничение должно проходить исключительно по горизонтали» (см.: *Нарутто С.В.* Профессор Е.И. Козлова о предмете конституционного права // *Lex Russia*. 2016. № 3. С. 116), в современных реалиях нельзя признать плодотворным. Если такой подход вполне, может быть, был справедливым для ушедшего от нас времени, то его оценка в существующей конституционной реальности не способствует уяснению действительной роли и значения конституционно-правового инструментария в механизме действия права, а вместе с этим и сильно упрощает понимание месторасположения конституционного права в структуре права, в целом ослабляет силу права.

отмеченного, в зависимости от предметных сфер приложения и регулирующего воздействия в нормативной структуре конституционного права можно выделить два крупных подразделения конституционно-правовых регуляторов³⁴: (1) исходные (общенормативные, или общерегулятивные) конституционные установления и (2) конкретно-правовые регуляторы, или конституционные нормы³⁵. Исходные (общенормативные, или общерегулятивные) конституционные установления охватывают своим нормативным содержанием: общие принципы, конституционные цели, ценности, конституционно-правовые стандарты, конституционные презумпции и фикции, правовые аксиомы, конституционные традиции, конституционные понятия, конституционно-правовые конструкции, так называемые конституционные клаузулы, в своем единстве образующие первичный уровень конституционно-правового воздействия. Это общие (общенормативные) регуляторы, которые создают режим конституционности и конституционной законности в государстве; действие исходных конституционных установлений связано с возникновением общих конституционно-правовых связей, или общерегулятивных правоотношений, конституционно-правовых состояний, под действие которых попадают все участники конституционно-правовой жизни — в равной мере носители основных прав и свобод и субъекты политического властвования — государство, органы государственной власти, т.е. публичные власти и публичные должностные лица. Исходные конституционно-правовые регуляторы имеют особенную структуру, юридические формы выражения, обращены прежде всего к властным субъектам права, их действие в том числе обеспечивается конституционно-правовой ответственностью, также главным образом ориентированной на обеспечение конституционности действий и решений публичных властей³⁶.

³⁴ Специальный анализ нормативной структуры конституционного права представлен в работах: Конституционное право зарубежных стран: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2018. С. 12–19; Червонюк В.И. Конституционное право России. Общая часть: учеб.: в 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 74–109.

³⁵ О несколько упрощенном подходе к проблеме см.: Осаветлюк А.М. Конституционное право в системе российского права: уникальность предмета отрасли // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 58, 59.

³⁶ Обращает на себя внимание еще одна принципиальная особенность исходных (общих) конституционных регуляторов. Как это нетрудно заметить, позиционирующие конкретные регуляторы конституционных норм характеризуются и тем, что все они в той или иной юридической форме позитивированы в конституционном законодательстве. Что же касается общих конституционных регуляторов, то практически все они приближены к праву естественному, составляя тем самым особый нормативный пласт в структуре конституционного права страны, а равно в национальной структуре права. Именно по этой (объективной по своей природе) причине естественное право — неотъемлемый нормативный пласт в составе конституционного права.

Указанные два класса конституционных установлений, или два типа конституционно-правовых регуляторов — исходные конституционные установления и конкретно-регулирующие (нормы конституционного права) — по отношению к отраслевым нормам в национальной структуре права подчинены общей цели конституционно-правового воздействия (регуляции): по своей регулятивной природе они призваны (предназначены) выступать в качестве системообразующего (структурообразующего) фактора по отношению ко всей совокупности нормативных общностей, инкорпорированных в состав национального законодательства, формируя тем самым его вертикальную (иерархическую) структуру, очерчивая круг его возможных юридических форм (нормативных источников). Национальное законодательство, или позитивированное право, таким образом, выстраивается, не только подчиняясь структурным закономерностям права, но и в соответствии с требованием конституционности. В то же время отмеченные классы конституционных регуляторов выполняют две разные функции. Класс исходных конституционно-правовых установлений имеет (главным образом) концептуальный или мировоззренческий смысл для отраслевой правовой материи, в то время как конституционные нормы подчинены общим задачам отраслевого регулирования.

Двойственная природа нормативного состава конституционного права predetermined его предназначением (генеральными целями) и спецификой его (конституционного права) предмета, предполагает два принципиально разнящихся уровня регулирования: а) надотраслевого нормативного правового регулирования и (2) конкретно-правового, или отраслевого, конституционно-правового. Соответственно, на первом, базовом уровне в сферу конституционно-правового воздействия вовлекаются все регулируемые правом отношения (юридически значимые интересы) с точки зрения соответствия опосредуемых их актов (нормативных и индивидуально-правовых) требованию конституционности. С этой точки зрения всякое отраслевое правовое регулирование по своей сути должно быть конституционным, т.е. основываться на конституционных началах, соответствовать конституционным критериям и требованиям. На втором уровне — собственно конституционные отношения, связанные с правовым оформлением (институционализацией) и устройством государства, его публично-властных органов, их надлежащего правового функционирования в рамках выполнения общей обязанности (конституционно заданной цели): признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека высшей конституционной

ценностью³⁷. При этом соотношение общего и конкретно-регулятивного в конституционном праве не является произвольным: складывающийся при этом баланс регуляторов должен быть подчинен общим целям и задачам правового регулирования, конституционно охраняемым ценностям, объективно формирующимся предметным областям регулирования конституционного права (и национального в целом). Недооценка этого вывода на практике ведет к безудержному законодательствованию, принятию законов, громоздкость и избыточность конкретных предписаний в которых препятствует их восприятию не только массовым, но и профессиональным правосознанием³⁸.

³⁷ Говоря о специализации конституционных установлений применительно к регулируемым сферам, необходимо обратить внимание на следующее. Верно то, что сфера властвования подпадает под действие общеразрешительного принципа (типа) правового регулирования. В то же время регулирование властеотношений не ограничивается исключительно использованием конкретно-правовых регуляторов. Конституционные ценности, принципы, цели, конституционные конструкции и др. также включены в механизм конституционно-правового регулирования властеотношений. Иное дело, что использование общих (отправных) регуляторов в этом случае должно быть подкреплено действием конституционных норм. В существующих конституционных реалиях данное требование не всегда реализуется; вследствие этого действие конституционных принципов, целей и др. общих регуляторов может приобретать сугубо декларативный характер. Если иметь в виду, что сфера применения конституционно-правовой ответственности оказывается чрезмерно стесненной (что в особенности заметно в сфере противодействия коррупции в публичных структурах власти), то и действие конституционных принципов, целей, ценностей и др. имеет локальную сферу распространения, нередко принимая, как отмечалось, характер декларативных установлений, не обеспеченных силой права и государства.

³⁸ В этой связи серьезные возражения вызывает вывод Б.С. Эбзеева относительно того, что «конституционное право закрепляет только «базовые начала рациональной организации социального порядка» (см.: *Эбзеев Б.С.* Предмет конституционного права: первичность содержания и тенденции развития // *Государство и право.* 2019. № 7. С. 61; *Его же.* Конституционное право России: учеб. М., 2019. С. 41, 42). В этом утверждении заключается принципиальное расхождение в понимании регулятивной (и охранительной) роли конституционного права в системе нормативной регуляции. В том-то и заключена особенность конституционно-правового воздействия, что оно одновременно располагает набором регуляторов конкретного и общего нормирования, позволяющего одновременно устанавливать стандарты формирования общих правовых режимов и конкретные правила. Так, конституционное законодательство определяет не только общие принципы организации органов государственной власти субъектов Федерации или органов местного самоуправления, но и конкретный порядок их формирования, состав, компетенционные связи и др. При этом часто упускается из виду то обстоятельство, что конституционные установления заключают в себе значительный охранительный потенциал. Это, в частности, характерно не только для конституционных прав и свобод, представленных в гл. 2 Конституции и сконструированных так называемым негативным способом. Охранительными являются все конституционные процессуальные права. Наряду с наличием собственно охранительных регуляторов в составе конституционного права (норм, содержащих санкции применения конституционного

* * *

Таким образом, фундаментальность объекта конституционно-правового воздействия, особенность его структуры, необходимость придания стабильности и устойчивости конституционным порядкам и при этом гарантировать динамизм развивающихся отношений, обуславливают уникальность организации (нормативного состава) конституционного права. Такая организация сложноустроена, предполагает наличие в конституционно-правовом инструментарии двух уровней правовых регуляторов, обладающих одновременно и конкретно-регулирующим воздействием, и наибольшим уровнем нормативного обобщения, позволяющим установить конституционные основы правопорядка, или гарантии обеспечения прав и свобод во всех сферах общественной жизни³⁹. При этом юридическое выражение (признание) системы таких регуляторов охватывает широкий набор юридических форм как текстуально выраженных (закрепление в национальной конституции, конституционных законах, в судебных актах высшего органа конституционного контроля — его правовых позициях, в актах органов наднационального уровня, а равно в конституционных договорах и др.), так и в недокументированных или в нетипичных формах (источниках).

принуждения) охранительная роль конституционного права связывается с развитием его процедурно-процессуальных начал. Кроме того, отсутствие конституционных норм, предусматривающих конкретные охранительно-принудительные инструменты, восполняется действием общего режима конституционности. Оценивая правовое качество существующего в той или иной сфере правового регулирования — нормативного или индивидуально-правового — Конституционный Суд тем самым приводит в действие защитные механизмы правовой охраны Конституции, декларируемые ею ценности и интересы. Такие защитные механизмы существуют потенциально и применяются всякий раз, когда риски несоответствия действий, решений публичных властей конституционным установлениям становятся очевидными.

³⁹ Отмеченное в то же время не дает оснований для квалификации конституционного права в качестве «метаотрасли права» (И.А. Кравец, Н.А. Боброва), поскольку такая «ниша» уже зарезервирована публичным и частным правом. Конституционное право же занимает особый, высший ряд в структурной организации права, что само по себе уже весьма значимо. В этой связи утверждение о том, что «отдельной теории государства и права, в отрыве от конституционного права нет...», что «граница между теоретиками и конституционалистами не просто условна, она вообще должна отсутствовать» (см.: *Боброва Н.А.* Особенности предмета конституционного права как мегаотрасли // *Конституционное и муниципальное право.* 2019. № 4. С. 9) отдает чрезмерным романтизмом. Даже если согласиться с тем, что у науки конституционного права «заниженная самооценка» (В.И. Крусс), все равно не следует подвергать сомнению тот факт, что дистанция (причем существенная) с теорией права сохраняется, конституционное право, даже в своей «новой версии» не упраздняет и не сливается с «чистой теорией права», по-прежнему остающейся фундаментальной наукой в системе правоведения.

Объединяемые единством целей конституционно-правового воздействия, конституционно-правовые регуляторы отличает высокая степень адаптированности в социально-правовом пространстве, их способность оказывать системное воздействие в сферах публично-правового и частноправового регулирования. Отсюда действие конституционного права в том числе распространяется на сферы, зоны, участки социального пространства, которые уже урегулированы нормами отраслевого законодательства. Эта особенность действия конституционного права обеспечивает одновременно и высокую результативность правового регулирования, и конституционность действующего законодательства, устраняя тем самым возможные риски нарушения прав и свобод в сфере законодательства, правоприменения и правоохраны. Таким образом, в механизме действия права конституционное право наряду с осуществлением регулятивной функции осуществляет также имплицитно присущую ему охранительную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 23, 24, 33.
2. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. 13-е изд., изм. и доп. М., 2018. С. 17.
3. *Боброва Н.А.* Особенности предмета конституционного права как мегаотрасли // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 9.
4. *Бондарь Н.С.* Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. М., 2018.
5. *Бондарь Н.С.* Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 24–36.
6. *Ескина Л.Б.* Конституционное право России: учеб. для бакалавров. СПб., 2017. С. 16, 17.
7. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017.
8. *Кокотов А.Н.* О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 36–43.
9. Конституционное право зарубежных стран: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2018. С. 12–19.
10. Конституционное право России: учеб. для бакалавров / отв. ред. И.В. Выдрин. М., 2015. С. 19, 23.
11. Конституционное право Российской Федерации: учеб. / под общ. ред. Н.В. Витрука. М., 2010. С. 25.
12. Конституционное право: учеб. для бакалавров / под ред. В.И. Фадеева. М., 2016. С. 6 и след.
13. Конституционное право: учеб. пособие / Павликов С.Г., Умнова И.А. М., 2015. С. 7.
14. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1906. С. 47.
15. *Крусс В.И.* Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М., 2019.
16. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 23–25.
17. *Лукьянова Е.А.* Еще раз о предмете конституционного права с позиции нового тысячелетия // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 13–17.
18. *Матье Б.* Пересмотр Конституции Люксембурга. Обзор современных проблем конституционного права (на рус. и франц. яз.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4 (77). С. 38.
19. *Нарутто С.В.* Профессор Е.И. Козлова о предмете конституционного права // Lex Russia. 2016. № 3. С. 116.
20. *Ориу М.* Основы публичного права. М., 2013. С. 21.
21. *Осавелюк А.М.* Конституционное право в системе российского права: уникальность предмета отрасли // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 58, 59.
22. *Страшун Б.А.* К вопросу о понятии конституционного права // Журнал рос. права. 2008. № 10. С. 23.
23. *Умнова-Конюхова И.А.* Современное понимание предмета конституционного права в условиях би-нарного развития внутригосударственного (национального) и международного права // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10. С. 152 и след.
24. *Хассельбакльк О.* Северная правовая семья: рождение, становление, развитие (на англ. яз.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75). С. 7–10.
25. *Червонюк В.И.* Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 3. С. 83–94.
26. *Червонюк В.И.* Категория структуры права в общей юриспруденции: аргументация инновационного подхода // Юрид. техника. Ежегодник. 2013. № 7. Ч. 1. С. 354–367.
27. *Червонюк В.И.* Конституционное право зарубежных стран: курс лекций: в 10 вып. Вып. 1. Введение в конституционное право. Ч. I. М., 2008.

- С. 58–91; вып. 2. Введение в конституционное право. Ч. I. М., 2009.
28. Червонюк В.И. Конституционное право России. Общая часть: учеб.: в 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 74–109.
 29. Червонюк В.И. Конституционное право России: учеб. пособие. М., 2003. С. 11–13.
 30. Червонюк В.И. Концепт «живой конституции» в российском конституционном дискурсе // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2019. № 2. С. 95–100.
 31. Червонюк В.И. Структура права. М., 2019.
 32. Червонюк В.И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 2. Концепция структуры права // Вестник МУ МВД России. 2014. № 2. С. 33–39.
 33. Червонюк В.И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 3. Структурные уровни, ряды права, правовые общности // Вестник МУ МВД России. 2014. № 3. С. 11–16).
 34. Червонюк В.И. Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 8. Гуманитарное право как проявление мультиструктурных преобразований в современных правовых семьях // Вестник МУ МВД России. 2014. № 6. С. 55–62.
 35. Червонюк В.И. Суверенитет народа в эпоху постмодернизма: критическое осмысление доктрины и практики эволюционирующего конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 3–7.
 36. Червонюк В.И. Теория государства и права: учеб. М., 2006. С. 112–118.
 37. Червонюк В.И., Калинин И.В., Мелехова А.Ю. Конституционное право зарубежных стран: учеб.: в 2 т. Т. 1. Сравнительное конституционное право. М., 2018. С. 57–75.
 38. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учеб. М., 2019. С. 38, 41, 42, 61.
 39. Эбзеев Б.С. Предмет конституционного права: первичность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 61.
 40. Bobrova N.A. Features of the subject of Constitutional Law as a mega-industry // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 4. P. 9 (in Russ.).
 41. Bondar N.S. The Constitution of Russia in the modern era of global change: from political illusions to legal realism. М., 2018 (in Russ.).
 42. Bondar N.S. The subject of constitutional law in the context of the practice of constitutional justice: stability and dynamism // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10. P. 24–36 (in Russ.).
 43. Eskina L.B. Constitutional Law of Russia: Textbook for bachelors. SPb., 2017. P. 16, 17 (in Russ.).
 44. Internationalization of Constitutional Law: current trends / ed. by N.V. Varlamova and T.A. Vasilyeva. М., 2017 (in Russ.).
 45. Kokotov A.N. On the subject of constitutional and legal regulation // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10. P. 36–43 (in Russ.).
 46. Constitutional Law of foreign countries: studies.-method. the manual / under the General ed. of V.I. Chervonyuk. М., 2018. P. 12–19 (in Russ.).
 47. Constitutional Law of Russia: Textbook for bachelors / rev. ed. I.V. Vydrin. М., 2015. P. 19, 23 (in Russ.).
 48. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook / ed. by N.V. Vitruk. М., 2010. P. 25 (in Russ.).
 49. Constitutional Law: Textbook for bachelors / ed. by V.I. Fadeev. М., 2016. P. 6 et seq. (in Russ.).
 50. Constitutional Law: studies. manual / Pavlikov S.G., Umnova I.A. М., 2015. P. 7 (in Russ.).
 51. Korkunov N.M. Russian state law. 4th ed. Vol. 1. SPb., 1906. P. 47 (in Russ.).
 52. Kruss V.I. Constitutionalization of fiscal and economic responsibilities in the Russian Federation. М., 2019 (in Russ.).
 53. Kutafin O.E. Subject of Constitutional Law. М., 2001. P. 23–25 (in Russ.).
 54. Lukyanova E.A. Once again on the subject of Constitutional Law from the perspective of the new Millennium // Constitutional and Municipal Law. 2010. No. 1. P. 13–17 (in Russ.).
 55. Mathieu B. Revision of the Luxembourg Constitution. Review of modern problems of Constitutional Law // Journal of foreign legislation and comparative law. 2019. No. 4 (77). P. 38 (in Russ. and Franz.).
 56. Narutto S.V. Professor E.I. Kozlova on the subject of Constitutional Law // Lex Russica. 2016. No. 3. P. 116 (in Russ.).
 57. Oriu M. Fundamentals of public law. М., 2013. P. 21 (in Russ.).
 58. Osavelyuk A.M. Constitutional Law in the Russian law: the uniqueness of the subject industry // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10. P. 58, 59 (in Russ.).

REFERENCES

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: studies. manual: in 2 vols. Vol. 1. 6th ed., rev. and additional М., 2018. P. 23, 24, 33 (in Russ.).
2. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. 13th ed., modified and additional. М., 2018. P. 17 (in Russ.).

22. *Strashun B.A.* On the question of the concept of Constitutional Law // Journal of the Russ. law. 2008. No. 10. P. 23 (in Russ.).
23. *Umnova-Konyukhova I.A.* Modern understanding of the subject of Constitutional Law in the conditions of binary development of domestic (national) and International Law // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 10. P. 152 et seq. (in Russ.).
24. *Hasselbalch O.* North family law: birth, formation, development (in English) // Journal of foreign legislation and comparative law. 2019. No. 2 (75). P. 7–10.
25. *Chervonyuk V.I.* Globalization, state, law // State and Law. 2003. No. 3. P. 83–94 (in Russ.).
26. *Chervonyuk V.I.* Category of the structure of law in General jurisprudence: argumentation of an innovative approach. technic. Yearbook. 2013. No. 7. Part 1. P. 354–367 (in Russ.).
27. *Chervonyuk V.I.* Constitutional Law of foreign countries: a course of lectures: in 10 vols. Vol. 1. Introduction to Constitutional Law. Part I.M., 2008. P. 58–91; vol. 2. Introduction to Constitutional Law. Part I. M., 2009 (in Russ.).
28. *Chervonyuk V.I.* Constitutional Law of Russia. General part: Textbook: in 2 books. Book 1. M., 2019. P. 74–109 (in Russ.).
29. *Chervonyuk V.I.* Constitutional Law of Russia: Textbook. M., 2003. P. 11–13 (in Russ.).
30. *Chervonyuk V.I.* The concept of “living Constitution” in the Russian constitutional discourse // Bulletin of MU of the MIA of Russia. 2019. No. 2. P. 95–100 (in Russ.).
31. *Chervonyuk V.I.* Structure of law. M., 2019 (in Russ.).
32. *Chervonyuk V.I.* Structure of law: regularities of formation and development: in 9 vols. Vol. 2. Concept of the structure of law // Bulletin of MU of the MIA of Russia. 2014. No. 2. P. 33–39 (in Russ.).
33. *Chervonyuk V.I.* Structure of law: regularities of formation and development: in 9 vols. Vol. 3. Structural levels and ranks of law, legal community // Bulletin of MU of the MIA of Russia. 2014. No. 3. P. 11–16 (in Russ.).
34. *Chervonyuk V.I.* Structure of law: regularities of formation and development: in 9 vols. Vol. 8. Humanitarian law as a manifestation of multistructural transformations in modern legal families // Bulletin of MU of the MIA of Russia. 2014. No. 6. P. 55–62 (in Russ.).
35. *Chervonyuk V.I.* Sovereignty of the people in the era of postmodernism: critical understanding of the doctrine and practice of evolving constitutionalism // Constitutional and Municipal Law. 2018. No. 3. P. 3–7 (in Russ.).
36. *Chervonyuk V.I.* Theory of state and law: Textbook. M., 2006. P. 112–118 (in Russ.).
37. *Chervonyuk V.I., Kalinsky I.V., Melekhova A. Yu.* Constitutional Law of foreign countries: Textbook: in 2 vols. Vol. 1. Comparative Constitutional Law. M., 2018. P. 57–75 (in Russ.).
38. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia: Textbook. M., 2019. P. 38, 41, 42, 61 (in Russ.).
39. *Ebzeyev B.S.* The subject of constitutional law: primary content and development trends // State and Law. 2019. No. 7. P. 61 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕРВОНИЙ Владимир Иванович — доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Authors' information

CHERVONYUK Vladimir I. — Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the MIA of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117997, Moscow, Russia